

Докторов Б. З.

Биографии для истории¹

Изучение биографий действующих социологов — дело, которое не осилить одному, необходима помощь. Прежде всего, я благодарен всем, кто согласился на долгое и непростое интервью и рассказал о своей жизни. Также я благодарю моих коллег, словом и делом постоянно поддерживающих меня в этой работе: ведущего научного сотрудника Социологического института РАН Андрея Алексеева, старшего научного сотрудника Института социологии РАН Наталию Мазлумянову, профессора Университета штата Невада в Лас-Вегасе Дмитрия Шалина и руководителя московского Центра социального прогнозирования Франца Шереги.

О содержании и методологии исследования

Наличие разработанной, обстоятельной истории того или иного раздела науки — свидетельство его развитости, признания им своих корней и одновременно — его устремленности в будущее. Ничто так не зовет вперед, как понимание достигнутого. Обращение российских социологов к изучению собственной истории — безусловно, одна из важнейших характеристик современного этапа развития российской-советской-российской социологии. История ставит вопросы, на которые не пытается ответить ни теория, ни методология социологии. В частности, это происходит потому, что лишь историко-научоведческие исследования фокусируются и на динамике идей, и на деятельности ученых.

В первой части статьи кратко излагается возникновение и развитие рассматриваемого ниже историко-научоведческого проекта, а также некоторые его методолого-методические аспекты. Во второй, первые итоги изучения прошлого советской социологии и биографий социологов первых поколений.

К истории настоящего исследования

В 2004 году исполнялось 75 лет Б.А. Грушину, инициатору первых опросов общественного мнения в СССР и автору давно признанных в нашей стране классическими книг по феноменологии массового сознания и методам его анализа. Потому я счел целесообразным, более того — необходимым прервать на пару месяцев те исследования истории американских опросов общественного мнения, которыми я тогда занимался, и подготовить статью о творчестве Грушина. Работа оказалась очень трудной: впервые предстояло написать об активно действующем социологе, с которым меня к тому моменту связывали два десятилетия добрых профессиональных и человеческих отношений. К тому же, хотя поводом для написания статьи была

¹ [Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований](#). 2007. № 1. С. 10-22. (БД: Никаких изменений в текст статьи не внесено, лишь указаны выходные данные интервью, которые в тот момент не были закончены или не были опубликованы.)

«круглая» дата, материал ни по жанру, ни по стилю не планировался как юбилейный; это было историко-научное исследование биографической направленности.

В конце лета статья о Грушине [1] была опубликована в «Телескопе», и тогда издатель журнала М.Е. Илле предложил мне подумать о создании рубрики по современной истории российской социологии. Эта идея мне показалась заманчивой и в целом отвечала моим научным интересам. Я написал небольшой текст, в котором обосновывал появление новой рубрики и оконтуривал ее границы [2]. Заметка была опубликована осенью 2004-го, однако на тот момент исторический проект выглядел фантазией, никаких материалов для нового «департамента» журнала не было, и его наполнение казалось проблематичным по сути и далеким – по времени.

Грушин знал о готовившейся статье, но с ним я ничего не согласовывал и рабочие варианты текста не высылал. Получив по почте журналы со статьей, я переслал один из них Грушину, благо тогда он был в США, и с беспокойством ждал его реакцию. Он обнаружил в работе ряд неточностей, но в целом воспринял сделанное положительно. Тогда я разослал электронный вариант статьи ряду социологов, которые дружат с Грушиным многие годы.

Вскоре ответил Б.М. Фирсов: «Так мы друг о друге не писали...». Несколько позже откликнулся Ядов: «... я с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии...» [3]. Таким образом, предложение Илле, некоторые общие заявления, сформулированные мной при обосновании концепции новой рубрики журнала, позитивное отношение к первой работе по истории советской социологии людей, к суждениям которых я давно привык прислушиваться, заставили меня искать возможности для сбора исторического материала. Прежде всего я обратился с электронными письмами ко многим коллегам из Петербурга, Москвы и других городов с просьбой вспомнить и описать прошлое и присылать мне материалы для публикации. Это обращение не было воспринято с тем энтузиазмом, на который я рассчитывал, и тогда для поддержания уже объявленной в журнале рубрики пришлось искать что-то иное. Возник план проведения серии интервью по электронной почте с российскими социологами, с которыми я поддерживал более или менее постоянную переписку и воспоминания которых были бы, по мнению издателя и моему собственному, интересны читателям «Телескопа». Тогда я еще не думал целенаправленно ни о выборке, ни о тематике интервью.

Первым, к кому я обратился с предложением поговорить о жизни, был Б.М. Фирсов; это произошло 21 августа 2004 года. Оснований для этого было много: наша с ним многолетняя совместная работа и близкие дружеские отношения, его видное место в советской социологии и целенаправленный интерес к истории нашей науки, наконец, тот факт, что в 2004 году ему исполнилось 75 лет и были все резоны провести постъюбилейную беседу. Фирсов согласился («Тебе и Мише служить буду с радостью» [4]). Наша «электронная беседа» продолжалась свыше трех месяцев, и в первом выпуске «Телескопа» 2005 года она была опубликована [5].

Фирсов многие годы занимается изучением средств массовой коммуникации и является одним из пионеров зондирования общественного мнения в СССР; это обстоятельство в предметном отношении сближало интервью с ним и статью о Грушине. Это интервью дало новый материал для анализа становления опросов общественного мнения в Союзе. Однако в беседе были затронуты и другие важные темы, и я почувствовал необходимость провести интервью со специалистами, работающими в разных областях социологии. Сразу после новогодних праздников 2005 года я предложил Я.И. Гилинскому провести с ним биографическое интервью. По-моему, в тот момент в Петербурге была ночь, но уже через несколько минут после отправки моего письма я получил от него позитивный и обстоятельный ответ, начинавшийся словами:

«Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною» [6]. Работа продвигалась стремительными темпами, иногда в режиме прямого диалога. В конце февраля интервью было завершено и сразу опубликовано [7].

В том же номере журнала печаталась подборка материалов об умершем в 1990 году московском исследователе общественного мнения Я.И. Капелюше [8]; вспоминали Б.А. Грушин, А.И. Пригожин, Л.Н. Федотова и я. Эта публикация продолжала освещение исследований общественного мнения в СССР, но одновременно она показывала, что содержание рубрики не сводится к интервью.

Появление в «Телескопе» подряд трех материалов по истории российской социологии свидетельствовало о том, что исторический проект набирает силу; необходимо было продумать алгоритм дальнейшей работы. При поддержке М.Е. Илле было решено попытаться давать информацию на эту тему в каждом выпуске журнала, но решить эту задачу казалось очень сложно. Помог В.А. Ядов: в начале 2005 года на мое предложение «поговорить о его жизни» я получил в ответ: «...благодарю за стимул осмыслить жизнь. Я был увлечен этим и, как мог, откладывал текущее. Спасибо. Жду твои замечания и советы. Many thanks» [9]. Работали мы споро, текст быстро рос. В результате интервью с Ядовым было опубликовано в двух последующих номерах журнала [10].

Дальше — проще: сложилась практика параллельного опроса двух-трех респондентов, и появилась возможность не торопить каждого, а форсировать лишь то интервью, которое было ближе к завершению, чем другие. Следующим оказалось интервью с Л.Е. Кесельманом; мы долго не могли его начать и долго не могли завершить. Я предложил Л.Е. Кесельману «поговорить» в сентябре 2004 года, но лишь в конце декабря написал: «Рад, что ты согласился на интервью... знаешь, только сейчас наше сообщество начинает понимать, что оно должно знать себя... а это означает, что оно должно знать, кто и что сделал, кто и что делал... это все глупости, что рукописи не горят, что в коллективном сознании все хранится, что при желании (а откуда возникнет это желание?) все можно узнать о прошлом... это от лени такое мифотворчество... от общего и исторического бескультурья...» [11]. В начале февраля 2005 года Кесельман ответил на мои первые вопросы, а закончилась наша работа лишь в конце второй декады сентября. В октябре интервью пришло к читателям «Телескопа» [12]. Завершался год статьей о том, как в середине 1980-х была остановлена публикация книги, подготовленной В.Б. Голофастом [13].

В 2006 году в «Телескопе» были опубликованы полные тексты интервью с Е.Э. Смирновой [14], Р.С. Могилевским [15] и Д.Л. Константиновским [16], а также текст моего собственного интервью, проведенного Б.М. Фирсовым [17]. Материал А.Н. Алексеева [18] — это одновременно и фрагменты из его 4-х томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», и краткое интервью с ним. Интервью с А.Г. Здравомысловым [19] и В.Э. Шляпентохом [20], появившиеся в двух последних выпусках «Телескопа», — это фрагменты полных текстов, опубликованных в других изданиях. А вот интервью с Н.И. Лапиным, взятое в рамках рассматриваемого проекта, будет опубликовано в первом номере «Социологического журнала» за 2007 год [21].

В целом, с момента представления журналом рубрики по современной истории советской социологии там было опубликовано около двух десятков статей общим объемом почти в 30 печатных листов. И не было ни одного выпуска, в котором эта тематика не рассматривалась.

Все материалы рубрики публикуются на американско-российском сайте по истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода [22]. Сайт создан и развивается бывшим ленинградцем, профессором социологии Университета штата Невада в Лас-Вегасе Дмитрием Шалиным и автором

настоящей статьи Таким образом, проект, зародившийся на страницах «Телескопа», получил определенное международное развитие.

Замысел уточняется: от истории социологии к биографиям и судьбам социологов

Анализ первых проведенных интервью потребовал заметного уточнения программы исследований, контуры которой были обозначены при обосновании новой рубрики «Телескопа». Причины корректировки можно объединить в две группы: углублялось понимание методологии исследования и прояснялись логика и организация проекта.

К тому моменту у меня уже был опыт историко-научно-исследовательских исследований двухвекового становления опросов общественного мнения в США и некоторые навыки биографических изысканий. Все это еще предстояло обобщить [23], но уже было понимание того, что история – дальнзорка. Необходимо время, чтобы главное, что привлекает внимание историка, устоялось, улеглось, чтобы обозначились тенденции, зародившиеся в прошлом. К тому же, если раньше мне приходилось работать с биографиями людей, которых я не знал лично и которых уже не было в живых, то здесь предстояло анализировать деятельность социологов, продолжающих активно работать и – в некоторых случаях – десятилетиями близких мне.

Логика, методика и организация исследования, начатого по инициативе «Телескопа», во многом детерминировались тем, что я живу в Америке и не имею возможности для длительного пребывания в России. Потому я не могу использовать такие традиционные и эффективные методы исторических поисков, как работа в российских архивах и библиотеках, посещение научных центров в различных частях страны и встречи с большим числом социологов, обсуждение “лицом-к-лицу” промежуточных результатов исследований со специалистами. Учитывая также и другие факторы, пришлось искать такой путь изучения прошлого, по которому я мог бы двигаться самостоятельно, лишь в отдельных случаях обращаясь за помощью к коллегам.

При сохранении генеральной направленности исследования – изучение современной истории российской социологии – на первом этапе оказалось целесообразным сконцентрироваться на анализе биографий тех, кто стоял у истоков советской социологии, и тех, кто шел непосредственно за ними. Эта задача много же исходной, но ясно, что без понимания того, кто, как и когда формировал социологическое знание о жизни советского общества во второй половине XX века и кому пришлось закладывать основы социологического изучения современной российской действительности, исходная задача в принципе не решается. Более того, исследование биографий советских социологов-первопроходцев – это не некая периферийная тематика, изучение которой может быть отложено на будущее, но одна из центральных для понимания процесса зарождения современной отечественной социологии и многих особенностей ее развития. Представители первых поколений, являющиеся активными участниками, вершителями этого прошлого, как и все люди, не вечны. В их памяти хранится уникальная информация о становлении социологического знания и функционировании нашего социологического сообщества. Ценность этой информации будет расти со временем, но если ее сейчас не собрать и хотя бы слегка не обработать, многое пропадет навсегда.

Таким образом, фокус внимания проекта сместился с истории советского этапа российской социологии на биографии советских социологов. А в перспективе – на их судьбы. Биография человека начинается с момента его рождения и завершается его смертью. Судьба – закладывается до рождения, включает биографию и во множестве форм существует после смерти человека. Биография – ограничена социальным

пространством-временем. Судьба – в принципе не имеет подобных ограничений.

Исследования истории социологии и биографий социологов существенно различны. Во-первых, у них разные предметы и объекты: первая тема относится к истории становления науки как социального института, вторая – является областью социологии личности и социологии творчества. Во-вторых, история социологии – продукт анализа историка, не обязательно работающего в социологии, в то время как изучение судеб социологов должно делаться человеком «своего» цеха. В-третьих, описание прошлого социологии должно обладать хотя бы минимально обоснованной мерой полноты. Применительно к биографиям социологов тема может раскрываться – во всяком случае, в начале исследований – на основе монографического подхода. В-четвертых, история социологии в принципе не может быть извлечена из биографий тех, кто создавал эту науку, поэтому биографический метод не может быть основным, ведущим при изучении и написании истории, он – вспомогательный. Наоборот, при изучении судеб социологов биографический метод – основной. Наконец, история социологии – это описание того, как во взаимодействии государства, общества и ученых-социологов формировалась данная дисциплина: как возникали исследовательские центры, сколько людей в них работало, как создавалась и функционировала система подготовки кадров, география развития науки и т. д. Биографии, или начало судеб, отдельных людей здесь лишь дополнение, иллюстрации обнаруживаемых макротенденций. В биографическом анализе все извлекается из рассказов людей о себе и о своих коллегах, и здесь «макро» является не самостью, а фоном.

Квалиметрические критерии или личные отношения?

Биографические интервью людей, достигших определенных успехов и признания в своей профессиональной деятельности, во многом отличаются от других видов, форм, типов социологического интервью. Особенно если сами респонденты – социологи, десятилетиями использовавшие различные формы опроса населения и его отдельных групп. Здесь мы имеем дело со специфической, многошаговой рефлексией опрашиваемого и опрашивающего по поводу задаваемых вопросов. Это нечто аналогичное тому, что испытывают два опытных врача при обсуждении болезни одного из них.

Проблема отбора людей для проведения интервью возникла сразу, но специфика сбора данных – личные и весьма продолжительные интервью по электронной почте – не требовала априорного ответа на все методические и организационные вопросы комплектования выборки. Интервьюирование можно было начинать сразу, поскольку генеральная совокупность исследования в целом была ясна и несколько «жертв» для проведения опроса были намечены сразу.

Носителями информации о становлении постхрущевской российской социологии являются люди, участвовавшие в этом процессе, задававшие его основную конфигурацию и непосредственно наблюдавшие все происходившее. В хронологическом отношении речь идет об относительно узком временном интервале – от конца 1950-х до начала 1980-х. Поскольку в те годы, особенно в первой половине указанного отрезка времени, научных центров было немного, а массовой подготовки социологов не проводилось, генеральная совокупность настоящего исследования относительно невелика. Однако ее границы расплывчаты, и ее полный охват невозможен. Многих участников этого процесса нет в живых; кто-то уже отошел от социологии. Ряд специалистов, внесших заметный вклад в развитие советской социологии, теперь живут в независимых постсоветских государствах, и, хотя многие из них активно продолжают свою профессиональную деятельность и их воспоминания могут быть крайне ценными, на настоящем этапе работы я не включил их в изучаемую генеральную общность.

В целом, ориентация на проведение монографического исследования смягчает требования к репрезентации генеральной совокупности, тем более что, когда целью является изучение биографий, судеб людей, трудно априори очертить свойства генеральной совокупности.

Начинать опрос следовало по возможности быстрее, поэтому первым критерием для отбора респондентов оказалось наличие у них электронной почты. Время показало, что это не слишком жесткий критерий; в начале нового века электронная почта подавляющим числом социологов старших поколений уже освоена. Вместе с тем, отсутствие доступа к электронной почте нескольких потенциальных респондентов не позволили провести с ними запланированные интервью.

Второй критерий – возраст опрашиваемых. Ниже эта тема будет рассматриваться подробнее, сейчас лишь замечу, что в основном это люди, представляющие узкий возрастной промежуток: старшие – приближаются или уже отметили 80-летие, младшие – не моложе 60 лет.

Третий критерий – успешность деятельности социолога. Она не связывалась напрямую с наличием степеней и званий, должностным статусом, количеством опубликованных книг и т. д. Речь идет скорее о признании потенциального респондента профессиональным сообществом. Обе эти грани успешности, если говорить о социологах первых поколений, не противопоставлены друг другу. К настоящему моменту завершены или находятся в работе 29 интервью: 21 респондент обладает высшей научной степенью (из них: один академик и три члена-корреспондента РАН), семеро – кандидаты наук и один не имеет научной степени.

Безусловно, значимым фактором участия в опросе является характер моих личных отношений с потенциальными респондентами, особенно важным это было в начале работы. Выше были приведены некоторые реакции людей на предложение поговорить об их жизни; это отклики друзей, благодаря которым опрос «стартовал». В той же мере я ценю согласие, полученное от всех, к кому я обращался, ведь решиться на биографическое интервью нелегко. Во-первых, это трудоемкое дело: приобретая некий опыт, я предупреждал, что беседа будет длиться не менее чем пару месяцев. Во-вторых, говорить о себе – дело сложное; это не просто воспоминания, но осмысление прожитого, и при этом – в присутствии множества потенциальных слушателей...

Онлайновое интервью: метод одновременно спасительный и эффективный

Интервью по электронной почте, являющееся одной из разновидностей онлайн-опроса, – это опросная технология, применяемая при выявлении мнений представителей различных локальных и дисперсных групп по широкому кругу проблем. Для меня данный метод стал единственно возможным, технологически реализуемым приемом опроса социологов, живущих в России. И потому, даже не зная его достоинств и недостатков, я был вынужден начать его использовать. Специальные публикации по технике анкетирования по электронной почте отмечали сложности в достижении репрезентативности и указывали на низкую активность участия в опросе. Но эти моменты меня не очень волновали; задумывавшееся исследование в принципе не имело атрибутов массового выборочного опроса, применяемого при изучении общественного мнения.

С самого начала я определял мое биографическое интервью как специфическую форму коммуникации между хорошо знающими друг друга людьми. Интервью превращает наши отношения в определенном смысле в неравные (интервьюер – респондент), и, таким образом, каждый берет на себя новые коммуникационные функции. Проведя около трех десятков интервью и несколько раз выступив в качестве респондента, я отдаю себе отчет в том, насколько сложны и ответственны эти роли

в диалоге, когда предметом обсуждения является биография, профессиональная деятельность одного из участников беседы.

Эти «разговоры за жизнь» не имеют ничего общего с разговорами, нередко возникающими у попутчиков в поезде, которые раскрываются друг другу, понимая, что скорее всего больше никогда не встретятся.

Все сказанное выше делало возможным еще до начала опроса трактовать жанр задумывавшихся интервью как синтетический, объединяющий в себе черты мемуаров и исторического исследования. Историзм должен был возникнуть постольку, поскольку темой интервью являются значимые для человека события его профессиональной жизни (а у подавляющего числа опрошенных другой жизни фактически и не было), мемуарный аспект — поскольку не предполагалось ограничивать опрашиваемых в их праве освещать прошлое так, как оно виделось именно им в описываемое время и как представляется сейчас.

После накопления определенного опыта мне представляется, что интервью по электронной почте оказалось релевантным этой исследовательской установке.

Во-первых, получив определенную порцию вопросов, отвечающий может спокойно, в привычной ему обстановке, подумать, вспомнить, обратиться к документам или дневниковым записям, которые многими ведутся на протяжении десятилетий, уточнить что-то по своим публикациям и лишь затем отвечать.

Во-вторых, постепенно интервью превращается в диалог: спрашивающий и отвечающий имеют возможность уточнить вопросы и ответы. Случалось, что респондент возвращался к вопросам, на которые он уже ответил, и дополнял сказанное несколькими страницами текста. Обычно такие дополнения — о «наболевшем», о давно хранившемся в памяти, но почти забытом, это более личностное, чем сказанное ранее. Это — мемуарность.

В-третьих, почти всегда переписка, относящаяся непосредственно к интервью (повторю, в целом оно длится несколько месяцев), дополняется, окаймляется обсуждением многих тем, выходящих за рамки предмета. И это придает самому интервью более неформальный, дружеский тон, сближает опрос с беседой.

В-четвертых, в этом методе интервью, в отличие от, скажем, беседы под диктофон, интервьюер не сидит напротив и своим присутствием (молчанием или взглядом, нетерпением или репликами...) не влияет на мнение респондента. Последний остается сам с собою, он думает и пишет, отвечая даже не на сам вопрос, а на собственную версию этого вопроса. Мне не раз приходилось видеть, что мой собеседник понимал вопрос не так, как я предполагал. Вот эта свобода респондента в интерпретации вопроса, в выборе времени для ответа, а также пребывание в привычной для него (как правило, домашней) обстановке сближает ответы человека с тем, как если бы он просто записывал свои воспоминания.

Опубликованные интервью говорят об эффективности избранного метода опроса. Это по-настоящему обстоятельные и исповедальные беседы.

О роли интервьюера

Условиями проведения интервью оговаривалась его последующая публикация, и этот факт имеет серьезное, системообразующее значение и для характера общения «интервьюер — опрашиваемый», и для результата электронной беседы. Каждый понимает, что сказанное вскоре станет опубликованным и заживет своей собственной жизнью. Пройдет время, какие-то факты, события, обстоятельства, приведенные в интервью, будут проверены и приняты профессиональным сообществом и, как результат, войдут в историю социологии; рассказы, воспоминания о людях помогут восстановить коммуникационные сети, существовавшие в разные периоды развития отечественной социологии, и лучше понять пути ее движения. С другой стороны, что-

то окажется неверным, ошибочным с исторической точки зрения, противоречащим документам и воспоминаниям других участников описываемых событий. Это вполне возможно, ибо жанр интервью, характер общения не предполагает того, чтобы опрашиваемый при описании своей жизни постоянно сверял воспоминания с какими-либо записями, документами. Да чаще всего это и невозможно. Ведь речь идет о воспоминаниях того, что в момент свершения чаще всего виделось обыденным, но потом в силу различных причин стало личностно и/или исторически значимым.

Все электронные беседы строились примерно по одному плану, но интервью не было стандартизованным. Оно не могло быть таковым, ибо это противоречило бы стремлению к максимальному раскрепощению респондента и приданию интервью духа мемуарности. Таким образом, первая задача, которую мне приходилось решать, — это уловить, как развивается мысль респондента, и своими вопросами или молчанием дать ему возможность наиболее полно раскрыть то, к чему он стремился на каждом этапе интервью. По содержанию ответов, их аргументированности и детальности можно было пытаться понять, интересна ли респонденту та или иная тема или она не кажется ему заслуживающей обсуждения. В первом случае я стремился дополнительными вопросами стимулировать воспоминания, во втором, получив ответ общего плана, переходил к новой теме.

Сразу же определилась еще одна роль интервьюера, которую можно назвать редакторской; ее приходится выполнять постоянно, но наиболее сложным это становится на стадии подготовки текста интервью к публикации. Дело в том, что, неспешно начинаясь и развиваясь, интервью с какого-то момента стремительно набирает темп и наращивает объем: человек осознает, что есть реальный повод рассказать о прожитом и сделанном и неизвестно, представится ли ему еще такая возможность, и если да, то как скоро. Таким образом, завершить интервью, прервать поток воспоминаний часто оказывается не легче, чем ответить на первые вопросы. Начинать страшно, завершать — грустно, а, может быть, наоборот. Но объем публикации в «Телескопе» — это, как правило, два печатных листа. И тогда интервьюеру, естественно, в сотрудничестве с респондентом, приходится текст «резать». И главная трудность — не технологическая, а этическая: по сути, приходится как бы указывать человеку, что в его жизни или в его суждениях второстепенно.

Существует и более сложный в этическом отношении момент. Мне приходилось просить респондентов снять или смягчить слишком резкие оценки деятельности или высказываний их коллег. Речь шла о ситуациях, имевших место десятилетия назад, и все эти годы негативная реакция жила в душе человека, и теперь у него появилась возможность высказаться. Методология биографических интервью не дает однозначного ответа относительно права интервьюера-исследователя рекомендовать респонденту воздерживаться от резкостей. Есть точка зрения, согласно которой все произнесенное опрашиваемыми должно сохраняться, ибо эти оценки — часть жизненных реалий и характеристика сознания людей. Теоретически это положение мне импонирует, в нем есть логика и последовательность, но на практике следование ему способно привести к появлению в печати массы заявлений, суждений, потенциально «напрягающих» наше и без того далекое от единства социологическое сообщество. Если бы собираемые сейчас интервью лишь архивировались для публикации в середине XXI века или позже, тогда, возможно, в них надобно было все сохранять: пусть разбираются во всем следующие поколения социологов. Но тексты интервью публикуются сейчас, и потому мне нечасто, но все же приходилось отдельные высказывания моих респондентов корректировать или просто не публиковать. Я благодарен всем, кто, неся ответственность за сказанное, отнесся к этому с пониманием.

Два главных направления анализа биографий

Рассматриваемый историко-наукоеведческий проект продолжается: в работе находится значительное число интервью, многое в методологии анализа собранной информации требует проработки, приходится думать о стиле (жанре) изложения. Крайне сложной представляется проблема обобщений, комментариев (или воздержания от них) по поводу приведенных в интервью фактов и суждений.

Опыт изучения событий середины прошлого века и еще более раннего времени ограниченно применим при анализе процессов «близкого» прошлого. Ряд новых граней этого кажущегося тривиальным положения обнаружился, когда от исследования деятельности Гэллапа, Роупера, Кроссли и людей их поколения я перешел к изучению биографий выдающихся американских полстеров второй половины XX века. Первой реакцией на осознание этих сложностей стал поиск нового подхода к изучению прошлого, который пока обозначен как оперативное историко-биографическое исследование [24]. Оно ориентировано на изучение биографий людей, чей жизненный путь уже завершен, и значение этих поисков видится прежде всего в том, чтобы сейчас, пока живы и работают люди, знавшие их и дружившие с ними, собрать информацию, которая может исчезнуть в обозримом будущем.

Еще много сложнее — анализировать историю постхрущевской российской социологии, ведь этот анализ касается прошлого-настоящего (и в значительной мере будущего) большого количества людей, продолжающих активно работать: проводить теоретические и эмпирические исследования, публиковать статьи и книги, читать лекции, встречаться со своими коллегами внутри страны и за рубежом. Как правило, все они знают друг друга и говорят друг о друге в своих интервью или пишут в своих воспоминаниях. Поэтому любой, кто в ближайшие годы будет исследовать творческие биографии действующих российских социологов, столкнется со значительными сложностями профессионального и этического плана.

И все же собранные материалы уже сейчас позволяют сформулировать ряд задач историко-наукоеведческого характера, которые наиболее успешно могут решаться на основе биографических интервью. Одни из них формулировались при разработке сценариев проведения интервью, другие — возникли в процессе изучения собранного эмпирического материала. В целом имеет смысл говорить о двух главных направлениях теоретико-эмпирического анализа полученной информации. Первое — история в биографиях и второе — биографии в истории.

История в биографиях — это то, каким представляется прошлое российской социологии в воспоминаниях первых поколений социологов. Можно сказать и несколько иначе. История в биографиях это то, что можно узнать о становлении и развитии социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они сегодня, по прошествии десятилетий, видят те события и процессы.

Механизмы памяти таковы, что запоминается и при опросе всплывает из прошлого лишь важнейшее, а точнее — то, что тогда или по истечении многих лет представляется таковым. При стремлении ответить на вопрос «Что и как было?» человек прежде всего вспоминает факт, некую картину событий, свое эмоциональное ощущение происходившего, но далеко не всегда способен точно датировать запомнившиеся события и дать их «объективное» описание. Здесь вообще трудно говорить об объективности, ибо само восприятие происходившего было актом субъективным, к тому же за прошедшие годы оно, осознанно или непроизвольно, могло еще более субъективизироваться. Не просто прошли годы — но жил и действовал в том прошлом один человек (молодой, еще мало что сделавший, с неглубоким жизненным опытом), а вспоминает — совсем другой (порой лет на 40–50 старше, зрелый профессионально, часто — стязелыми думами о прожитом). Потому в восприятии и описании того далекого

одни аспекты, грани событий могли «потеряться», «исчезнуть», другие, наоборот, стать ярче, зримее. К тому, что было в действительности, могло «приклеиться» то, чего вообще не было или было, но присутствовало в другом событии, в другое время, в ином окружении.

Кроме того, в интервью человек не только рассказывает о прошлом, настоящем, рассуждает о будущем; в сказанном и умолченном он подает себя таким, каким представляет себя сейчас и/или каким он хочет, чтобы его видели. Причем не только сегодняшние читатели, многие из которых знают этого человека десятилетиями, но и социологи новых поколений.

С другой стороны, без этого личного, ауторефлексивного, «субъективного» историю социологии не узнать, не описать. Замечу, тех, кто будет знакомиться с биографиями, нередко это личностное в описании событий и людей будет интересовать не менее, чем фактическая сторона дела. Так, при обсуждении одного из опубликованных интервью Л.Е. Кесельман заметил: «...в какой-то момент я сообразил, что, по сути, в этих сюжетах ценна не столько информация о событиях, сколько видение этих событий твоими собеседниками» [25].

Биография – это некий уникальный, единственный и неповторимый синтез социального, физического и биологического времени, это история конкретного человека и одновременно некая в чем-то уменьшенная, но где-то увеличенная копия того периода большой истории, в котором он жил. Автобиография, являющаяся продуктом, итогом биографического интервью, это отрефлексированное описание человеком своей жизни, или отретушированная самофотография, автопортрет, созданный художником в определенном интерьере и при продуманной им постановке света. Можно допустить, что автобиография социолога выстроена с более глубоким пониманием специфики социального времени, в котором ему было суждено жить, чем автобиография представителя иной профессии. Другими словами, в рассказе первого более зримо присутствует дух, специфика среды его социализации и жизнедеятельности; опыт А.Н.Алексеева показывает, что ауторефлексия социолога с большей вероятностью, чем у другого типа респондентов, социологична.

Потому с полным основанием можно говорить еще об одном направлении изучения полученных интервью – биографии в истории. Это исследование того, как история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения.

В атмосфере «оттепели» советская социология возникла «сама по себе»

Указанные выше два исследовательские направления – это стратегия, сверхзадача рассматриваемого проекта, это – на будущее. Пока же ставится более узкая и скромная задача: выделить несколько сюжетов, получивших освещение в ряде интервью, определить основные позиции опрошенных по соответствующим темам, сформулировать первые выводы и попытаться новые поисковые задачи для последующего историко-научного поиска.

Кто сотворил социологию

В 1994 году, открывая дискуссию о возникновении Ленинградской социологической школы, В.А. Ядов упомянул «круглый стол» по истории советской социологии», проходивший в том же году в Институте социологии РАН. Оказалось, что среди полутора десятков участников не нашлось и двух человек, чьи точки зрения совпали. Он сказал: «Никто правдивую историю не напишет: она видится с разных точек зрения по-разному» [26]. По Ядову получается, что существует некий единый предмет анализа – процесс становления и развития социологии в СССР, и все говорят

о разных гранях, аспектах этого процесса. В действительности же, думается, нередко речь идет о прошлом разных процессов; каждый говорит об истории именно «своей» социологии, но это обстоятельство маскируется расплывчатостью используемых терминов.

Вопрос о генезисе, происхождении советской социологии является одним из ключевых для истории этой науки. Дело не в исчислении «дня рождения социологии», ясно, что это был достаточно продолжительный процесс, но в указании событий, определивших развитие ее самости, то есть присущей ей методологии и методов, всей практики функционирования социологии как социального института.

Так, Л.Н. Коган, по сути, отсчитывает развитие современной советской социологии с начала 1950-х годов, когда по инициативе М.Т. Иовчука в позднесталинские годы было проведено первое анкетирование на предприятиях Екатеринбург (Свердловска) и Нижнего Тагила. Методической базой работы была чудом сохранившаяся книга, в которой приведены итоги социально-гигиенического обследования рабочих Урале в середине 1930-х годов. Однако все случившееся с материалами опроса, проведенного сотрудниками Иовчука после сбора данных, вынудило Когана признать, что полученный ими результат был значительным шагом назад в сравнении с исследованием далеких 1930-х [27, с. 286]. Сегодня, зная, как происходило становление советской социологии, у нас нет оснований говорить о том, что первые уральские опросы детерминировали развитие ее методологии и методов.

Аналогично, нельзя говорить о том, что созданная в 1958 году Советская социологическая ассоциация (ССА) стала импульсом для развития социологии в стране. Г.В. Осипов вспоминает, что Ассоциацию создали два-три человека, «больше никого, в общем, тогда и не было» [27, с. 95]; то есть было несколько генералов, но не было армии, в существовании которой, думается, и не все генералы были заинтересованы. В действительности социологическая армия, долгое время малочисленная, слабо обученная и плохо вооруженная, формировалась, зарождалась волонтерами. Позже ССА сыграла значительную роль в жизни социологического сообщества, но нельзя было создать науку «сверху»; процесс шел «снизу», иногда при поддержке власти, но временами вопреки ее действиям.

Взгляд назад показывает, что новыми социологами могли стать и стали люди не просто талантливые, хорошо образованные и работоспособные, но готовые годами выдерживать суровые идеологические, жизненные испытания и сохранять социальные идеалы молодости. Отсутствие у этих людей социологической подготовки в конце 1950-х – начале 1960-х годов компенсировалось их стремлением к совершенствованию социализма, детьми которого они были и в возможность улучшения которого искренне верили. В те годы были ученые, знавшие философию, историю, экономику лучше, чем их тридцатилетние коллеги, но старшие были многократно биты – в прямом и переносном смысле.

Наступало время людей, чувствовавших, отгадывавших в социальной атмосфере, в лишь намечавшихся общественных преобразованиях новые вызовы, а в себе – силы, амбиции, желание, кураж ответить на них. Нужен был некий романтизм и значительный запас социального оптимизма. Необходимо было некое, пусть умеренное, допустимое бунтарство, стремление к поиску новых социальных, если не горизонтов, то технологий. При этом новые должны были уметь сотрудничать с либерально настроенными представителями властной элиты.

И, как это ни покажется странным, этим новым людям нужно было незнание, точнее – лишь частичное знание истории своей страны и даже прошлого своей семьи. Все бывшее не должно было «придавлять» их думы, лишать их воли. Знание дореволюционных реалий, не канонизированных идеологией страниц Гражданской войны, правды о коллективизации, реальные представления о размахе борьбы с

«врагами народа» в конце 1930-х, знакомство с существованием ГУЛАГов и многое другое могло оказаться тяжелейшим интеллектуальным и душевным грузом для тех молодых, которым историей было предначертано создание советской социологии. Очень точно сказал И.С. Кон: свободомыслие его поколения отчасти было выстрадано молчанием их предков [27, с. 114]. Эти люди не ощущали личной ответственности за случившееся в стране до их рождения и в ранние годы их социализации.

Биографические материалы показывают, что «шестидесятники», сотворившие советскую социологию, во многом и были таковыми. Историю своих семей они знали поверхностно, им был близок дух «комиссаров в пыльных шлемах», и, создавая новую социологию, они не были отягощены знанием опыта дореволюционных российских и ранних советских социологов.

Б.А. Грушин поступил на философский факультет МГУ, будучи одержимым проблемами морали, он хотел улучшить свое поколение [1, с. 3]. Но время делало его другим: «Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом»; М.К. Мамардашвили отмечал, что Грушин вырос из «обыкновенного, банального комсомольского активиста...» [1, с. 12]. По воспоминаниям И.С. Кона, его знакомство с Ядовым началось с серьезного замечания, полученного им от него — тогда секретаря райкома комсомола. На комсомольском собрании Кон сказал, что в юности он увлекался комсомольской работой, по мнению Ядова, комсомол был настолько серьезным делом, что увлекаться им нельзя было [26, с. 58]. А поворотным моментом в судьбе Ядова было его исключение из партии в 1952 году за то, что при вступлении в КПСС он не сказал, что в 1928 году его отец состоял в зиновьевской оппозиции. Заявления о том, что отец никогда не говорил ему об этом, никто не слышал [10, с. 2]. Среди предков Я.И. Гилинского были люди, входившие в дворянскую элиту России и Украины, и на один из моих вопросов он ответил: «До “оттепели” дома никто никогда, разумеется, о “врагах народа”, беглых белых офицерах, егерях Его Величества и т. п. не говорил». Лишь в первые послевоенные годы его допустили к семейным «тайнам» [7, с. 4–5]. Родители отца и матери Шляпентоха были состоятельными людьми, и революция была для них катастрофой. Он знал об этом. Не были для него секретом и репрессии 1930-х годов, но он понял все происходившее только в конце 1940-х, обучаясь в университете [20, с. 2].

Еще предстоит тщательно проанализировать, с каким теоретическим и методическим багажом пришли «первые» в социологию, но базовую гипотезу можно сформулировать уже сейчас. Они были выдающимися студентами, общались с опытными профессорами и потому неплохо знали марксизм как логику науки и как базу социального познания. Вместе с тем их образование не включало методологию буржуазной теоретико-эмпирической социологии и эмпирические методы сбора и анализа социологической информации. Конечно, все они были знакомы с какими-то работами довоенных советских социологов, но в этих знаниях не было системы.

В интервью, данном несколько лет назад В.В. Козловскому, В.Я. Ельмеев подвергает сомнению утверждение, что в советский период, после 1920-х и вплоть до 1960-х годов, социологии не существовало. Кроме того, по его мнению, преподавание социологии в ЛГУ начиная с 1917 года не прерывалось. Он вспоминает, «что в 1948–1949 гг. слушал лекции по истории русской социологии Н.Н. Андреева, работавшего в университете еще с П.А. Сорокиным» [28]. Несколько удивленный этим, я недавно обратился к А.Г. Здравомыслову и В.А. Ядову, учившимся в одно время с Ельмеевым, с вопросом, не помнят ли они эти лекции. Здравомыслов ответил, что был «доцент в военной форме, который читал лекции по русской философии (отнюдь не социологии — это было бы невозможно)» [29]. Ядов, в телефонном разговоре, вспомнил лекции Андреева, но, по его мнению, это был не рассказ о русской социологии, но скорее критика дореволюционной социальной философии [30].

Для подавляющего числа специалистов очевидно наличие разрыва между постхуцевской и ранней советской социологией, однако А.Г. Здравомыслов высказал более тонкое суждение. По его мнению, профессиональной преемственности с предшественниками 1920-х годов у его поколения не было, Булат Окуджава имел для становления советской социологии большее значение, чем Питирим Сорокин. Одновременно Здравомыслов указал на сохранение определенного культурного капитала, передававшегося и осваивавшегося новыми поколениями вместе с переживанием и осмыслением опыта становления личности [19, с. 4-5]. С этим суждением можно согласиться, однако следует признать, что на рубеже 1950–1960-х годов подобного осмысления и поддержания столь непростых рационально-эмоциональных контактов с социологией 1920-х у тридцатилетних советских марксистов, скорее всего, не могло быть. Оно могло возникнуть позже, когда основное видение конструкции советской социологии уже сложилось. Поэтому, скорее всего, сказанное Здравомысловым – это «реконструкция сегодняшнего дня» [27, с. 62].

По мнению В.А. Ядова, «эвристическая ценность публикаций царско-романовского периода, первых пятилеток, военного периода 1941–1945 и двух пятилеток послевоенного времени» – во всяком случае, при изучении в 1960-е годы процессов отношения к труду – не представлялась высокой. И далее: «Дореволюционная рабочая Россия великолепно описана классиками литературы и представлена бурлаками Репина и “Эй, ухнем!” шалашинским басом. Какая там загадка с мотивацией? Полурабский труд. После Октября Троцкий инициировал “тудармию”, в Отечественную все жили единственной мыслью: “Мы за цену не постоим” и далее – “Восстановим народное хозяйство во что бы то ни стало”. Бригады коммунистического труда в хрущевское время – вот что нам было интересно» [10, с. 6].

В.Э. Шляпентоху, имеющему статистическое образование и занимавшемуся проблемами выборки, я задал два «лобовых» вопроса: оказали ли на него влияние работы русских земских статистиков и могла ли оказать влияние на развитие советской социологии книга В.И. Ленина о развитии капитализма в России. Ответы – тоже однозначные: по первому: «Буквально никакого, хотя я кое-что знал о них», и по второму: «Я хорошо знал работы Ленина и относился к его анализу статистических данных вполне уважительно... Однако влияние Ленина на нашу социологию в 60-е годы было равно, по моему мнению, нулю» [31, с. 624].

Получается, что советский вариант социологии как теоретико-эмпирической науки даже в сезон «оттепели» не мог произрасти на базе лишь «одного» марксизма, к тому же без серьезной подпитки со стороны русской и ранней советской социологии, которые явно несли на себе черты западноевропейской философской и теоретико-эмпирической культуры. Вырасти могла лишь истматовская версия социологии, в качестве примера которой Ядов называет книгу В.П. Рожина «Введение в марксистскую социологию», вышедшую в свет в 1962 году. Другой пример, – это трактовка социологии, многие годы отстаиваемая В.Я. Ельмеевым, который еще в 1949 году проводил эмпирические исследования, но являлся последовательным противником позитивистских, а позднее феноменологических методов. В стороне от магистральных направлений развития социологии могло возникнуть лишь нечто похожее на социологию, но не радовавшееся этой схожести и отказывавшееся от родства с нею. Это был – научный коммунизм.

По мнению В.А. Ядова, первые советские социологи возникли «сами по себе» [26, с. 11] из людей, не имевших социологического образования. Мне представляется, что «сами по себе» – должно иметь иную, более сущностную интерпретацию. Советская социология возникла тогда, когда, будучи марксистами, молодые философы «сами по себе», но благодаря «оттепели» нашли в себе мужество обратиться к буржуазным

теориям и позитивистским методам и сделали первый шаг по направлению от идеологизированного советского марксизма к полипарадигмальности. Не манифестируя этого движение, а возможно, и не осознавая его в полной мере.

Представляется, что одним из перспективных направлений в разработке истории советской социологии (или советского этапа российской социологии) может стать изучение становления ее полипарадигмальности: идеи, события, люди.

Три первых поколения советских социологов

Долгое отсутствие в СССР системы подготовки социологов в университетах и институтах и высокая привлекательность работы социолога обусловили определенную специфичность формирования возрастного и профессионального состава первых поколений российских социологов советского периода. К тому же сложившийся механизм рекрутирования, привлечения новых людей к социологическим исследованиям в значительной степени детерминировал и характер, тип общегражданских установок, политических идеалов, социальных устремлений тех, кто в течение четверти века входил в эту науку вслед за создателями советской социологии.

Очень небольшая по численности группа молодых в то время людей признается сегодня первым поколением советских социологов, основателями этого научного направления. Преимущественно они имели базовое философское, экономическое или историческое образование и некоторый опыт работы по полученным специальностям. Большинство тех, чьи биографии представлены в книге Г. Батыгина [27], родилась в узком промежутке от 1926-го до 1931 года, модальный интервал – 1928–1929 годы. Их социологическая деятельность начиналась в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Все они самостоятельно осваивали эмпирические методы социологии и как некая общность, объединенная формальными и неформальными связями, разрабатывали методологию и практику теоретико-эмпирического анализа советского общества. Их социально-политические взгляды формировались событиями Великой Отечественной войны (ряд первых социологов принимали участие в боевых действиях) и атмосферой хрущевской «оттепели». Эту группу социологов будет оправданно называть «шестидесятники: первая волна».

Хотя поколенческий подход к анализу развития социологии в целом признается перспективным, реально в его освоении мало что сделано, в частности, не решен вопрос о числе поколений социологов, двигавшихся, или складывавшихся, непосредственно вслед за первым. Так, по мнению А.Г. Здравомыслова, следующим является поколение, которое примерно на 20 лет моложе социологов-шестидесятников [32]. Думается, что это утверждение носит слишком обобщенный характер и не отражает реальной ситуации. Кроме того, получается, что в течение долгого времени первое поколение работало без притока новых людей.

Начиная настоящую работу, я исходил из той точки зрения, что вслед за первым отрядом советских социологов-шестидесятников шли социологи моего поколения, которым сейчас уже больше 60 лет, но многие не подошли к 65-летию. Отвечая в интервью на один из вопросов Б.М. Фирсова, я говорил: «Моими “героями” являются, прежде всего, социологи двух поколений: твое, родившееся на рубеже 1920–1930-х, и мое, родившееся в первой половине 1940-х годов. Первые уже приобрели свое поколенческое имя – “шестидесятники”, вторых я пока называю по созвучию “шестидесятилетиными”» [17, с. 3]. Однако собранные впервые в достаточно большом количестве интервью социологов разного возраста позволяют заметно уточнить границы и некоторые особенности становления поколений социологов, следовавших за первым.

Интервью Б.М. Фирсова и Я.И. Гилинского, незавершенная беседа с А.Н. Алексеевым, небольшая заметка и присланные мне рабочие материалы

Ю.Л. Неймера, краткая беседа в декабре 2006 года с Ж.Т. Тощенко, а также известные мне биографии ряда действующих социологов дают основание говорить о существовании второго поколения советских (российских) социологов, по возрасту и социально-политическим воззрениям близкого к первому, но одновременно принципиально отличающегося от него. Эти люди родились в конце 1920-х — начале 1930-х годов, формировались в той же социально-политической и нравственной атмосфере, что и модальная по возрасту группа социологов-шестидесятников первой волны, но в силу жизненных обстоятельств пришли в социологию позже их, став — и это главное — их первыми учениками, последователями. Представители первой волны пришли в социологию с теоретическим багажом и исследовательским опытом, приобретенным при разработке проблем смежных с социологией научных направлений, при этом они, как правило, перешли «из науки (преподавания) в науку». У следовавших за ними (их тоже еще было мало) путь в социологию шел не только из науки; в социологию некоторых из них «толкнула» практика деятельности в других сферах и стремление разобраться в том, что они наблюдали.

Б.М. Фирсов, инженер-электрофизик, был секретарем по идеологии обкома комсомола Ленинграда, в 30 лет стал секретарем одного из центральных райкомов КПСС города, участвовал в работе XXII съезда партии, стал первым директором Ленинградского телевидения, но, будучи отторгнутым системой, в 36 лет пошел в аспирантуру. Его руководителем был В.А. Ядов. Я.И. Гишинский после окончания юридического факультета ЛГУ многие годы проработал в прокуратуре и адвокатуре и, уже будучи кандидатом юридических наук, начал свою социологическую карьеру, его наставниками стали первые социологи Ленинграда. Ж.Т. Тощенко после завершения философского факультета МГУ уехал по комсомольской путевке на строительство железной дороги Абакан-Тайшет. Лишь через десять лет после завершения университета он защитил кандидатскую диссертацию по проблемам социального планирования в Академии общественных наук при ЦК КПСС. А.Н. Алексеев, получив филологическое образование и подготовку в области журналистики, быстро занял заметное положение в ленинградской прессе. Но стремление к более глубокому пониманию процессов, которые он анализировал и описывал как журналист, привели его в аспирантуру. Одним из его консультантов был В.А. Ядов. Примерно по тому же сценарию складывался жизненный путь Ю.Л. Неймера. Сначала — журналист, потом — аспирант Н.И. Лапина. Это поколение можно назвать — «шестидесятники: вторая волна».

Третье поколение — это уже люди без собственного опыта восприятия событий войны, они слышали о ней от взрослых, но лично столкнулись лишь с тяготами первых послевоенных лет. Их годы рождения — самый конец 1930-х — первая половина 1940-х. Середина этого временного интервала приходится на 1941–1942 годы, то есть это поколение примерно на 12 лет моложе первого. Атмосфера «оттепели» осознавалась ими через первые песни Окуджавы, записывавшиеся в те годы «на берцовых костях», стихи поэтов-фронтовиков и поэтов евтушенковского поколения, публикации «Нового мира». Так что по характеру мироощущения эту группу можно характеризовать как «младших шестидесятников»; во всяком случае многие из них так идентифицируют себя.

Путь в социологию этой группы начинался по-разному, но в основном — через социологическую аспирантуру или работу в социологических коллективах. Для понимания некоторых профессиональных и общегражданских качеств этой когорты социологов важно то, что они проходили «социологические университеты» почти одновременно с теми, кто выше был отнесен к шестидесятникам второй волны. В любом случае можно утверждать, что второе и третье поколения это как старшие и младшие дети в семье — у них общие «родители». Они учились у одних и тех же учителей

и по одним и тем же книгам. Мне представляется верным замечание Л.Е. Кесельмана, сказавшего о тех, кого я сейчас отношу ко второму поколению, что они «такие же “дети” Ядова “со товарищи”, как и мы» [12, с.12], то есть представители третьего поколения.

Тот факт, что отблеск шестидесятничества лежит и на этой когорте советских социологов, объясняется не только тем, что оно развивалось в социальном пространстве «оттепели», но и тем влиянием, которое оказывали на него их учителя двух первых поколений. Скажем, в поле ленинградской социологии несколько десятилетий доминировали гражданские ценности, отстаивавшиеся А.Н. Алексеевым, И.С. Коном, Э.В. Соколовым, Б.М. Фирсовым и В.А. Ядовым. Мне крайне дороги слова В.А. Ядова, написанные им в начале нашего интервью, но не вошедшие в опубликованный текст: «Разница в возрасте 15–30 лет огромна. В наше время это разные поколения. Но мы, по сути, в одном поколении “шестидесятников”. Уже этого достаточно чтобы обращаться на “ты”».

Если среди первых двух поколений в основном были гуманитарии, то в третьем — значительная часть имела математическое, физическое, техническое образование. Такие специалисты были востребованы первыми социологами, которые сами не имели достаточных знаний в области математики, в то время как решавшиеся ими задачи предполагали использование вычислительной техники, понимание правил конструирования выборки, освоение достаточно сложных приемов шкалирования. Возможно, самой первой была известный теперь социолог Г.И. Саганенко; в 1962 году в лаборатории Ядова она, завершая ЛГУ по кафедре математической статистики, писала диплом по обработке социологической информации.

Вхождение в социологию третьего поколения, значительная часть представителей которого имела математическое и техническое образование и была заметно менее политизирована, чем их старшие коллеги, позволяет сделать два вывода. Во-первых, это свидетельство того, что к тому времени советская социология уже достаточно отделилась от чистого истмата. Во-вторых, участие молодых в те годы сегодняшних «шестидесятилетних» (они же — «младшие шестидесятники») в развитии методологии и технологии теоретико-эмпирических исследований усиливало именно полипарадигмальность советской социологии. Эти новые в силу своего образования и особенностей общефилософских воззрений скептически относились к идеологизированному марксизму, но более тяготели к различным формам позитивизма.

Замечу, что в младших группах второго поколения социологов и среди тех, кто входит в третью профессиональную когорту, были люди, воспитывавшиеся принципиально в иной социальной среде, чем их наставники. Прежде всего, укажу на молодых в те годы первых социологов Эстонии и Литвы, отношение которых к марксизму и социализму, очевидно, не могло быть таким, как отношение поколения, родившегося в СССР в конце 1920-х годов. А ведь в 60-е годы российской социологии не было, была — советская, создававшаяся не только в двух главных городах страны, но и в республиках, регионах. Думается, что встречи в Кяярику потому и остались яркими, памятными для определенной плеяды советских социологов, что в Эстонии они чувствовали себя, по мнению В.А. Ядова, примерно так, как российские социологи сегодня на любой международной конференции; они говорили то, что думали, а думали как шестидесятники [10, с. 10.]. По сути, это было началом создания полипарадигмальной базы советской социологии.

Примечательный факт «западности» обнаруживается при изучении биографий опрошенных мною респондентов третьего поколения. Ф.Э. Шереги родился и формировался в венгерском регионе Западной Украины. Через венгерские издания он знакомился с работами классиков социологии ранее, чем они были изданы в СССР. Кроме того, об особенностях строительства социализма в Венгрии он знал не из советской прессы, а непосредственно из венгерских изданий [33]. Л.Е. Кесельман,

отец которого до 1940-х годов был гражданином Румынии, провел детство и юность в Черновцах и Трускавце. В то время там еще продолжалось активное сопротивление бандеровцев. В своем интервью Кесельман рассказывает о своем школьном друге Владимире Павленко, работающим ныне в Социологическом институте РАН; в школьные годы он выучил польский и чешский языки, и это позволяло им иначе, чем рассказывалось в советских средствах массовой информации, видеть социализм [12, с. 6]. Родители А.Б. Гофмана – простые бессарабские евреи, а его детство и юность прошли в Кишиневе [34 3], где, можно быть уверенным, происходившие в СССР события воспринимались населением не так, как, скажем, в российских городах.

Итак, возраст является важным, но не единственным критерием для очерчивания контуров первых трех поколений современного российского социологического сообщества. Второй критерий – особенности вхождения в социологию. В частности, это относится к тем, кто родился на границах между вторым и третьим поколениями. Пришедшие в социологию сразу после вуза скорее считают «своим» второе поколение, те же, кто поздно начал обучение (скажем, после службы в армии или после получения диплома), работал по базовой специальности и лишь затем начинал осваивать социологию, возможно, идентифицируют себя с третьим поколением.

Отношение к марксизму

Изучение отношения действующих советских социологов к марксизму и его будущему в России было исходно включено в программу настоящего историко-научного проекта [2, с. 31]. Огромна библиотека работ о значении марксизма как теоретико-методологической советской социологии, большое число специалистов участвовало в нескольких дискуссиях на эту тему, защищены сотни диссертаций. Поскольку учение Маркса было одновременно идеологией советского общества и философской основой социологии, постольку оно было не только предметом академических разработок, но также элементом биографий социологов ряда поколений; для некоторых – детерминантой их профессиональной и личностной судьбы. Поэтому сегодня, когда происходит формирование теоретико-эмпирической платформы новой российской социологии, вопросы, касающиеся роли марксизма в прошедшие десятилетия развития отечественной социологии и его будущего, прямо затрагивают интересы многих действующих социологов. Детальность, с которой опрашиваемые отвечали на соответствующие вопросы интервью, показывает, что обозначенная тема действительно заслуживает обсуждения.

Впервые рассматриваемая тематика была обозначена в интервью с В.А. Ядовым. На вопрос о том, не чувствовал ли он скованности при изучении мотивации труда, оттого что надо было работать лишь в рамках марксизма, он ответил: «Я определенно был марксистом и сегодня никоим образом этого не стыжусь, много пишу о полипарадигмальности современной социологической теории, причем Маркс занимает далеко не последнее место, он рядом с Вебером... Маркс – величайший мыслитель» [10, с. 6]. Столь же однозначной была и его реакция на вопрос о перспективах марксизма в России: «Исходя из положения, что бытие определяет сознание, я уверенно прогнозирую ренессанс марксизма в разных неовариантах... Когда у нас в России “утрясется”, классовая теория Маркса будет неизбежно востребована» [10, с. 7].

Обстоятельным было рассмотрение темы марксизма в беседе с А.Г. Здравомысловым, позиция которого сводится к следующему. В дискуссиях 1950–1960-х годов вопрос об историческом материализме был вопросом о методологических основаниях исследований, а ссылка на марксизм – решающим аргументом для обоснования их необходимости. Теперь в научном мышлении и в методологии исследований социологии утвердилась идея плюрализма. Во многих российских вузах еще не усвоено новое понимание марксизма, он входит в комплекс

тех понятий, которые вызывают страх до дрожи в коленках; есть «идеологические борцы» против марксизма, которые всех перепугали. Но Маркс создал каркас социологического знания, который невозможно устранить, нельзя возвратиться в домарксистскую эпоху, хотя у нас таких любителей движения вспять много [35].

Теперь приведу фрагменты интервью с Н.И. Лапиным, многие годы занимавшимся историей и методологией марксизма: «С утверждением идеологического плюрализма в нашем обществоведении, прежде моноидеологичном, стало естественным принимать или не принимать те или иные учения, в том числе марксизм. Теперь это вопрос личного выбора каждого обществоведа... Между тем нередко, как и прежде, только не под идеологически-административным давлением, а по привычной инерции мышления, наблюдается либо полный отказ от всех идей Маркса, либо безоговорочное их принятие; то и другое малопродуктивно». И далее: «По моим представлениям, методология и многие идеи Маркса остаются одним из важнейших достижений мировой социальной мысли, которое взаимодействует с другими достижениями и эволюционирует вместе с ними. Надеюсь, это относится и к мейнстриму российских социальных наук, включая социологию» [21, с. 117].

Иным представляется марксизм Р.С. Могилевскому, которого можно отнести к представителям третьего поколения социологов. «Не мне поправлять Ядова. Очевидно, у него есть резоны так утверждать. У меня другая точка зрения. Я полагаю, марксизм займет место в музее истории социологии, не более того. Он не прошел испытания историей. Ни один из догматов марксизма не был подтвержден исторической практикой». Аргументируя сказанное, он говорит, что не согласен с утверждениями, будто происходившее с СССР было извращением марксизма, по его мнению, то «была именно жизнь, в которой нашли воплощения основные положения марксистской теории» [15, с. 12].

Е.Э. Смирнова, также представитель третьего поколения социологов, высвечивает еще один аспект обсуждаемой темы: «Марксизма, кажется, в российской социологии не стало, а вот Маркс изучается, включается в работы именно там, где его идеи уместны, несут объяснительную силу. Теперь при защите любой работы, слава богу, не нужно цитировать Маркса как “заклинание о дожде”, но его отсутствие в работе по делу, по теме может вызвать справедливый вопрос» [14, с. 9].

В интервью В.В. Козловскому, опубликованном несколько лет назад, Л.Г. Ионин – также представитель «шестидесятилетних» – сказал, что нынешняя российская социология отрезана от своих корней (до 1917 г.) и эту связь вряд ли можно восстановить, а от марксизма в любой его разновидности она отказалась сама [36]. В конце 2006 года в нашей электронной беседе я попросил Л.Г. Ионина прокомментировать этот ответ. По его мнению, это произошло в силу ряда причин [37]. Во-первых, по политическим причинам. Во-вторых, по причинам личного характера – обязательное блюдо, осточертевшее до невозможности. Кроме того, марксизм отождествлялся с цензурой, идейным и социальным гнетом, запретами и ограничениями свободы; партийные идеологи добились того, что стало казаться: жизнь наша действительно построена по Марксу, во всех запретах виноват марксизм. И в целом, не удастся «психоанализировать», что произошло с нашей социологией, потому мы и живем до сих пор в состоянии антимарксистского невроза. Л.Г. Ионин – автор ряда работ по истории социологии, и мне показалось оправданным узнать его мнение о значении и будущем того марксизма, который долгие годы развивался в СССР. Его точка зрения такова: опыт советского марксизма во всех его разновидностях начиная с 1920-х годов не может не быть полезным, в частности, он указывает на фрейдомарксизм, соединявший идеи марксизма и психоанализа Фрейда и ставший основой студенческих бунтов и сексуальной революции 1960-х годов. Но если фрейдомарксизм – это уже история, то антиглобализм – это актуальнейшая

современность. И его трудно даже просто мыслить без марксизма, в том числе без советского марксизма в многообразии его форм и проявлений [37].

Многое в истории становления советской социологии, ее философской базы и отношений между разными группами ученых можно попытаться понять, изучая движение к полипарадигмальности, естественно понимаемой в те годы иначе (мягче, с обилием полутонов и намеков), чем она трактуется сейчас российскими социологами.

По дороге к читателю

Собственный опыт, многолетнее общение с большим числом социологов различных поколений подсказывали, что при изучении истории российской социологии советского периода следует обратить внимание на различные грани проблемы публикации учеными результатов исследований. Гипотеза была очевидной: прежде всего, идеологические причины ограничивали и/или препятствовали свободной публикации социологами результатов их теоретико-эмпирических изысканий. О трудностях подобного рода и способах преодоления барьеров, воздвигавшихся социальной системой на пути от производителя социологической информации к заинтересованным в ней социальным группам, вспоминают участники проекта Г.С. Батыгина [27], об этом говорится в ряде интервью, опубликованных в последние годы в «Социологическом журнале» и в «Журнале социологии и социальной антропологии», о них рассуждает в своей книге Б.М. Фирсов [38]. Таким образом, все это стало общеизвестным фактом. Вместе с тем задача определения форм и масштабов подобного вмешательства различных структур в этот процесс, а также многочисленных следствий, или эффектов, существования откровенных и скрытых, внутренних и внешних, грубых и тонких форм контроля за творчеством ученого и способов влияния на его личность еще не формулировалась как самостоятельная проблема историко-наукovedческого плана. Но уверен, что это произойдет.

Примеры, содержащиеся в проведенных мною интервью, дополняют уже описанные в отечественной литературе случаи трудностей с публикацией результатов исследований и позволят в будущем представить весь этот процесс с необходимой полнотой и яркостью.

Почти детективную историю о судьбе книги «Человек и его работа», давно признанную классикой советской социологии и одной из немногих известных на Западе, рассказал В.А.Ядов: «При подготовке книги издательство “Мысль” запросило официальную рецензию у Коли Лапина (Николай Иванович Лапин. — Б.Д.). Коля ничего нам об этом не говорил и рассказал, какова была обстановка, лишь после недавней публикации вместе с Андреем Здравомысловым “Человека и его работы в СССР и после” [39]. Здесь мы восстановили главу о советских и американских рабочих с пояснением, что цензура ее изъяла в первом издании. Коля, получив подаренную книгу, звонит по телефону и говорит: “Что вы там нафантазировали? Какая цензура? Вы знаете, что редакция вообще отказывалась принять работу только потому, что был подзаголовок “Социологическое исследование”? Я, обормоты, вас спас, предложив убрать пятую главу”» [10, с. 3–4]. Эти события сорокалетней давности помнит и Н.И. Лапин, он тогда руководил редакцией литературы по истории философии в издательстве «Мысль». Его попросили дать внутреннюю рецензию на рукопись книги «Человек и его работа», «поскольку поступила авторитетная внешняя рецензия, в которой выражались большие сомнения в целесообразности издания книги в представленном виде. Я горячо поддержал издание рукописи, предложив снять только одну, последнюю главу, в которой авторы полемически сопоставляли свою позицию с позицией одного из американских социологов и которая вызвала наибольшие возражения рецензента и сомнения директора издательства. Авторы согласились, и книга была опубликована» [21, с. 119].

Но если А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов увидели в 2003 году уже второе издание своей книги, то самому Н.И. Лапину лишь в 2005 году, то есть через три десятилетия после формального закрытия проекта, удалось издать материалы выполненного в 1968–1973 годах под его руководством исследования по социальной организации промышленного предприятия. В опубликованной «Телескопом» заметке Ю.Л. Неймер [40] обстоятельно изложил суть и перипетии этого проекта, а Н.И. Лапин во вводной главе книги назвал его историей, делящейся и поныне: и объективно, и субъективно. Действительно, это исследование стало существенной частью профессиональной и личной судьбы значительного числа советских социологов.

На этом фоне процесс публикации «Таганрогского проекта» Б.А. Грушина выглядит стремительным и почти благостным. Исследование началось в 1967 году и, несмотря на сильнейшее противодействие со стороны партийных органов и руководства Института конкретных социальных исследований АН СССР, было завершено в 1974 году. И книга [41], содержащая краткое изложение методологии работы, описание инструментария и ряд теоретико-эмпирических выводов, увидела свет «всега» через шесть лет.

О.Б. Божковым и Т.З. Протасенко было проведено тщательное расследование того, как в 1984 году дирекция и партбюро Института социально-экономических проблем АН СССР остановили издание коллективной монографии, редактором которой был В.Б. Голофаст [13]. В статье – минимум рассуждений, ее основа – сохранившиеся, найденные документы. В готовившейся Голофастом книге суммировались итоги изучения различных аспектов жизни семьи в крупном городе, и издательский процесс уже завершался, шла вычитка верстки. Ход «делу» был задан замечаниями центральной редакции издательства «Наука», носившими, как понятно сегодня, явно идеологический характер: 1. Усилить во введении разграничение между процессами, проходящими в семьях крупных городов социалистического и капиталистического общества. 2. Исправить соответствующие места... где без каких-либо объяснений проводятся параллели между исследованиями по СССР и по капиталистическим странам, так как процесс ломки старых семейных отношений и формирование новых в различных общественно-экономических формациях, как известно, протекает по-разному... После смерти В.Б. Голофаста, через два десятилетия после описываемых событий, его друзья смогли издать эту книгу [42].

Следующее документальное свидетельство того, какими приемами останавливались социологические публикации, приводится в заметке «Анатомия закрытия» [43]. Это – обширные фрагменты докладной записки двадцатилетней давности, написанной профессором Б.Д. Парыгиным по поводу готовившегося Б.М. Фирсовым сборника материалов советско-венгерского семинара. Вывод «о низком идейно-теоретическом уровне материалов» сделал невозможным издание книги и более того – стал основанием для свертывания советско-венгерского проекта, до того успешно развивавшегося свыше пяти лет. Ошибочность аргументов, приводившихся рецензентом при «обосновании» его суждений, сегодня очевидна, достаточно посмотреть развитие мировых процессов массовой коммуникации на рубеже веков.

Эпопея с книгой Я.С. Капелюша – иллюстрация еще одного типа судьбы материалов, не дошедших до читателей [44]. Небольшого формата книга об отношении к выборности на производстве [45] была опубликована в 1969 году. Но почти весь ее тираж был тогда же и уничтожен. Сохранилось только несколько экземпляров, скорее всего – лишь в частных коллекциях.

Нечто аналогичное рассказал А.Г. Здравомыслов [19, с. 5]. В конце 1960-х под его руководством был проведен опрос в Ленинграде и Пензе. Согласно полученным результатам, уровень пропаганды был явно ниже уровня массового сознания;

кроме того, им были выделены четыре типа массового сознания, обозначенные как «неразвитое», «стереотипизированное», «скрытое» и «критическое». Главные выводы исследования были опубликованы в ротاپринтной книжке [46] тиражом 100 экземпляров, каждый из которых был пронумерован. Вскоре после получения тиража ему позвонил сотрудник аппарата ЦК, попросил его собрать все экземпляры и передать их в первый отдел. Книжку должны были уничтожить. И уничтожили.

Обобщая приведенные примеры, можно задаться вопросом о том, в какой мере опубликованные в 1960–1980-е годы работы социологов в принципе отражают тематику, предмет проводившихся исследований, их теоретическую направленность, и – главное – их выводы. Ведь барьеры, тормоза, экраны и фильтры, препятствовавшие публикации, были тем мощнее, чем ярче, необычнее, острее были результаты работ, чем глубже они вскрывали проблемы общественного бытия и сознания.

Контакты с Западом

В последние годы значительное число молодых российских социологов прошли обучение за рубежом, стали обладателями западных научных степеней, преподают в европейских и американских университетах, участвуют в международных проектах и форумах. Не покидая аудиторий и библиотек своих российских вузов, преподаватели и студенты имеют возможность читать электронные копии старых и новейших книг и журналов, участвовать в онлайн-форумах, проходящих во всех странах мира, обсуждать на специализированных чатах теоретические и методологические проблемы социологии. Все это считается обычным делом, и российские социологи вливаются в единое мировое профессиональное сообщество. Четверть века назад, не говоря уж о более отдаленном прошлом, все было иначе.

Определение путей развития теории, методологии и методов советской социологии доперестроечного времени уже в ближайшие годы, несомненно, станет темой серьезного целенаправленного историко-наукоедческого анализа. В частности, будут выявлены и описаны различные каналы освоения отечественными социологами зарубежного опыта, названы ученые, сыгравшие в этом заметную роль, указаны обстоятельства, сдерживавшие обычный для движения любой «нормальной» науки обмен идеями, результатами и гипотезами советских социологов с их зарубежными коллегами.

Было бы ошибкой говорить о том, что в СССР социологи не выезжали за границу, не участвовали в международных форумах самого высшего уровня, не принимали у себя западных коллег, не проводили совместных исследований, не читали иностранную профессиональную литературу; многие из моих респондентов обо всем этом рассказывали. Вместе с тем, в памяти социологов первых поколений хранится множество фактов о том, сколь долгой и непредсказуемой была процедура получения разрешения на поездку не только в капиталистические, но и в социалистические страны; насколько сложной была организация приема в своем институте даже небольшой группы иностранных ученых, не говоря уж о проведении международных семинаров или конференций; как строились их контакты с иностранными учеными, какие сложности приходилось преодолевать – часто с риском для карьеры, – чтобы получить новые книги или отправить свои материалы за границу.

Б.М. Фирсов, посетивший многие страны и имевший большой опыт контактов с зарубежными специалистами, вспоминает о многолетнем сотрудничестве возглавлявшегося им сектора Института социально-экономических проблем АН СССР с венгерскими и финскими исследователями массовой коммуникации. «Однако, – замечает он, – мы не смогли обойти запреты на сравнительные международные исследования, на открытый и бескомпромиссный диалог с нашими зарубежными коллегами, вынужденно ограничились семинарами

и научными публикациями общего характера» [5, с. 7]. И все же, вот чем все это завершилось.

Б.М. Фирсов передал своему финскому коллеге доклады сотрудников сектора на очередной совместный семинар. Тексты были стопроцентно просоветские, отжатые до сухого бессодержательного остатка, и имелось разрешение Главлита для вывоза и публикации материалов за границей. По недоразумению оно было предъявлено таможене, когда его финский коллега уже прошел таможенный и пограничный контроль. Присовокупив данный случай к ряду других столь же абсурдных, по сегодняшним представлениям, Ленинградский обком КПСС объявил Фирсову строгий выговор с занесением в учетную карточку, а дирекции института было рекомендовано освободить его от занимаемой должности. Что и было сразу исполнено [5, с. 9].

Ученых, на основании критериев, о которых можно догадываться, но которые официально никто не называл, разделяли на тех, кому можно было встречаться с иностранными коллегами и кому такие встречи были запрещены. Первые делились еще на три группы: одним было разрешено выезжать во все страны, другим – лишь в социалистические, и третьи вообще не могли надеяться на выезд. Так В.Э. Шляпентох отметил [20, с. 6], что у него никогда не было возможности поехать на Запад, его не пустили даже на конгресс в Варну в 1972 году, хотя в нем участвовала большая по тем временам группа советских социологов. Я.И. Гишинский пишет: «Я был *de facto* невыездной, никто официально мне это не заявлял, но и мои попытки поехать туристом в “капстрану”, например, “вокруг Европы” не увенчались успехом; комиссия РК КПСС, обязательная в таких случаях, рекомендовала мне съездить по Волге» [7, с. 4]. За короткий постперестроечный период он по приглашению коллег побывал почти во всех странах Европы, в США, Чили, Бразилии, Австралии и Новой Зеландии, Японии, Корее, Таиланде, причем я ряде стран – неоднократно.

Разрешение на выезд не было вечным, его можно было легко лишиться, с другой стороны, поездка могла стать для социолога наградой за его «понятливость». По воспоминаниям А.Г. Здравомыслова, его однажды пригласили в Ленинградское управление КГБ и попросили ознакомиться с ксерокопией книги американского сенатора Барри Голдуотера, изъятой у него топриобыске. Он прочел ее и охарактеризовал «антикоммунистической». Тогда сотрудник этой организации попросил заменить это слово на «антисоветскую», и при этом дал ему посмотреть проспект замечательных туристических путешествий. Здравомыслов ответил, что различает «антисоветское» и «антикоммунистическое», и не изменил своего заключения [19, с. 9].

Замечу, «невыездные» нередко завидовали своим «выездным» коллегам, а последние постоянно опасались того, что их очередная поездка может стать последней.

Исследование всего комплекса отношений советских и западных социологов – сложная проблема со множеством уровней и аспектов. Вместе с тем одним из сквозных направлений этой проблематики может быть выявление механизмов поиска рядом поколений ученых сути советской социологии. Это была жесткая, иногда кровопролитная война тех, кто видел и создавал советскую социологию как часть мировой, и тех, кто противодействовал этому движению. Обе группы ратовали за формирование социологии, базировавшейся на принципах марксизма, но ими по-разному понимались и марксизм, и логика «базирования». Первые видели возможности перспективности размещения в каркасе марксизма новых, эффективных конструкций, создававшихся западными изобретателями и успешно зарекомендовавших себя при возведении зданий нового образца. Вторые понимали, что активное использование новых теорий и новых измерительных инструментов неминуемо ускорит обнаружение дефектов и заболеваний социальной системы.

Заключение

Многие сюжеты, обсуждавшиеся в уже завершённых интервью, не нашли своего отражения в этой статье. В значительной степени это связано с ограниченностью размеров журнальной публикации, но есть и иные обстоятельства, классифицируемые как методологические, науковедческие и этические.

Говоря о методологических обстоятельствах, я прежде всего имею в виду сложности «размещения» собственно биографического анализа в общем контексте исследований истории становления и развития советской социологии. Прежде всего — есть две ключевые темы. Первая — как строить интервью, чтобы получаемая информация полнее отвечала проблемам изучения прошлого отечественной социологии в целом, а не только фиксировала бы жизненный путь опрашиваемого. Вторая — каким образом вести беседу, чтобы наиболее эффективно выявить в творческом, жизненном пути человека личностное и социальное. Без продвижения вдоль двух этих методологических линий будет крайне сложно приступить к решению одной из стратегических задач настоящего проекта — определения судеб социологов первых трех выделенных когорт. Но и эта тема — лишь часть еще более трудного историко-науковедческого поиска: формулирования критериев для оценки основных достижений полувекового развития советской социологии и затем описания судеб каждого из поколений советских/российских социологов. Попытки назвать то или иное поколение «потерянным», которые встречаются в литературе, явно поверхностны и преждевременны. И тот факт, что в течение десятилетий Запад очень плохо знал работы советских социологов, не вина последних, а беда. Остается лишь вслед за И.С. Коном сказать: «Эпоху не выбирают» [27, с. 112].

К существенным науковедческим я, прежде всего, отношу проблему социально-исторической классификации первых трех поколений: они — советские или российские? Это не терминологическая проблема, а вопрос о периодизации истории российской социологии. Речь опять же — о критериях: что значит «советский» и в каком случае — «российский», если имеется в виду группа социологов, начавших свою профессиональную деятельность в 1960-х и 1970-х годах, то есть проработавших несколько десятилетий в стране под названием СССР и возродивших, а точнее — создавших советскую социологию. А когда советский социолог превратился в российского и в чем заключалась эта трансформация? Что интеллектуальные компромиссы и внутренняя самоцензура пропали на следующий день после объявления Россией своей независимости или утром после подписания Беловежского соглашения? Если в населении России социологи фиксируют черты «советского человека», то почему в российских социологах нет «советскости»? В факте признания социологов рассматриваемых когорт «советскими» я не вижу признаков ностальгии по прошлому. С другой стороны, трудно назвать социолога российским, если он с начала 1960-х известен как советский, даже если за последние полтора десятилетия он опубликовал больше, чем за предыдущие тридцать лет. Неужели советская социология существовала лишь в период от 1917 года до середины 1930-х годов? А если так, то почему сейчас мы говорим о возрождении советской социологии, а не российской? Опираясь на самоидентификацию — я опросил нескольких ведущих социологов первого поколения — тоже не получается. Есть мнение: «советский — лучше», есть — «я — российский», наконец высказывается мнение — «надо подумать». Действительно, надо.

Интересной историко-науковедческой проблемой является проникновение в еще советскую социологию идей полипарадигмальности. Выше было предложено связывать рождение советской социологии с неманифестируемым (маскируемым) проникновением в марксизм идей, ряда аспектов позитивистских и феноменологических концепций. Закономерно, что критики буржуазной философии

и социологии, в частности П.П. Гайдено, Ю.Н. Давыдов, Ю.А. Замошкин, И.С. Кон и другие, одновременно рассматриваются и как ученые, внесшие значительный вклад в становление методологии марксистской социологии. Принципиально и то, что в настоящем В.А. Ядов и ряд других социологов первых поколений активно отстаивают концепцию полипарадигмальности [47]. Фактически, в рамках подобной философии социологии они работают уже многие годы.

Вопросы этики в исследованиях биографической направленности имеют как самостоятельное значение, так и сопряженное с науковедческими и методологическими проблемами. От характера решения этих вопросов во многом зависит, какой будет история нашей социологии, смогут ли будущие поколения знать, как она создавалась, кто развивал ее методологию и технологию (и что он туда привнес), а кто «лежал» на ее пути.

Хочется надеяться, что проект, который ведется на страницах «Телескопа» уже два года, будет иметь продолжение и станет частью широких и многоцелевых исследований, направленных на создание истории единой российско-советско-российской социологии.

Литература

1. [Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения](#) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.
2. [Докторов Б. История есть, только если она написана: К открытию рубрики «Современная история российской социологии»](#) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 5. С. 30–32.
3. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 11 декабря 2004 г.
4. Электронное письмо Б.М. Фирсова Б.З. Докторову от 30 августа 2004 г.
5. Фирсов Б.М. «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 2–12. См.: текст интервью [здесь](#).
6. Электронное письмо Я.И. Гилинского Б.З. Докторову от 9 января 2005 г.
7. Гилинский Я.И.: «Я начинал как чистый уголовник...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 2–12 См.: текст интервью [здесь](#)
8. [Капелюш Я.С. \(1937–1990\)](#) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 13–21.
9. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову в интервале от 24 января до 10 апреля 2005 г.
10. Ядов В.А.: «Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. Ч. I. № 3. С. 2–11; Ч. 2. № 4. С. 2–10. См.: текст интервью [здесь](#).
11. Электронное письмо Б.З. Докторова Л.Е. Кесельману от 25 января 2005 г
12. Кесельман Л.Е.: «Случайно у меня оказался блокнот “в клеточку”...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 5. С. 2–13. См.: текст интервью [здесь](#).
13. [Божков О.Б., Протасенко Т.З. «Гляжу в себя как в зеркало эпохи»](#) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6. С. 2–13.
14. Смирнова Е.Э. «...По профессиональной части претензий не было, но инкриминировалось распечатывание гороскопов» // Телескоп: журнал

- социологических и маркетинговых исследований. 2006. № 1. С. 2–10. См.: текст интервью [здесь](#).
15. Могилевский Р.С. «Я бы назвал себя социологом-консультантом...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 2. С. 2–13. См.: текст интервью [здесь](#).
16. Константиновский Д.Л.: «Такие вот динамические ряды...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 4. С. 2–13. См.: текст интервью [здесь](#).
17. Докторов Б.З.: «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 3. С. 2–13.
18. [Алексеев А.Н. Познание через действие. Так что же такое «драматическая социология»? // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 11–23.](#)
19. [Здравомыслов А.Г. «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2–10.](#)
20. [Шляпентох В.Э.: «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 2–13.](#)
21. Лапин Н.И. «Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата» // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 111–148. См.: текст интервью [здесь](#).
22. [Международная биографическая инициатива <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.](#)
23. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
24. Докторов Б.З. Творцы опросов второй половины XX века: опыт «оперативного» историко-биографического анализа // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 5–38.
25. Электронное письмо Л.Е. Кесельмана Б.З. Докторову от 12 января 2007 г.
26. Ленинградская социологическая школа (1960–1980-е годы) / Отв. ред. В.В. Костюшев. М.-СПб.: Российское общество социологов; Санкт-Петербургская ассоциация социологов, 1998. С. 14–15
27. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
28. Ельмеев В.Я. Интервью // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4. См.: текст интервью [здесь](#).
29. Электронное письмо А.Г. Здравомыслова Б.З. Докторову от 4 января 2006 г.
30. Телефонный разговор Б.З. Докторова с В.А. Ядовым 27 января 2006 г .
31. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
32. Здравомыслов А.Г. Поле социологии: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 20.

33. [Шереги Ф.Э.: «Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом»](#) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5-14. См.: текст интервью [здесь](#).
34. [Гофман А.Б.: «Социальная реальность ... - это сфера свободы»](#) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 2. С. 2-13. См.: текст интервью [здесь](#).
35. Здравомыслов А.Г. Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 161–162. См.: текст интервью [здесь](#).
36. Ионин Л.Г. Интервью // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том. 6. Вып. 2. См.: текст интервью [здесь](#).
37. [Ионин Л.Г.: «Надо соглашаться с собственным выбором»](#) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3. С. 2-14. См.: текст интервью [здесь](#).
38. Фирсов Б.М. История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001.
39. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003.
40. [Неймер Ю. Динамит в папилютках](#) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 3. С. 14–17.
41. Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина, Л.А. О니кова. М.: Изд-во политической литературы, 1980.
42. Голофаст В.Б. Социология семьи. Статьи последних лет. СПб.: Алетейя, 2005.
43. [Докторов Б.З. Как это было – 2. Анатомия закрытия.](#) Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6. С. 14–16
44. [Докторов Б.З. Рассказ о книге, которой нет](#) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 15–19.
45. Капелюш Я. Общественное мнение о выборности на производстве // Под ред. Б.А. Грушина. Информационный бюллетень № 39 (54). М.: Научный Совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, 1969.
46. Здравомыслов А.Г. Пропаганда и ее восприятие. Социологическое исследование эффективности / ССА, ИКСИ АН СССР. Л., 1969.
47. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: СПбГУ, 2006.